

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА И РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Проблемы языка и речи находятся в фокусе внимания лингвистов и философов на протяжении долгого времени. В этой статье рассматривается язык и его функционирование в речи. Язык и речь взаимосвязаны. Языковая система представляет собой вербализованные концепты, которые выводятся из процессов говорения и понимания. Язык обнаруживает себя в индивидуальной речи. Язык только представляет мир, но не объективно. Он функционирует в речи, поскольку в языковом общении говорящий пользуется постоянными образцами, клише, которые способствуют образованию для него языковой среды.

S. Kiseleva

LANGUAGE SYSTEM AND SPEECH

The problems of a language and speech have been in the focus of attention of linguists and philosophers for a long time. The article deals with language and its function in speech. Language and speech are interrelated. A system of language represents verbalised concepts, which are produced by the processes of speaking and understanding. The language reveals itself in an individual speech. It only represents the world but not objectively. The language functions in speech because in language communication the speaker uses patterns and clichés which enable creating for it language environment.

Формы функционирования лексико-семантических вариантов слова на уровне языковой системы и речи представляют большой интерес. В связи с

этим возникает вопрос о несовпадении единиц языка и речи по форме и содержанию. Поэтому многие исследования современного языкознания были сфо-

кусированы на решении проблем языка и речи.

На протяжении долгого времени изучение языка и речи не идёт параллельно, так как сначала изучается речь, которая находится в фокусе непосредственного внимания исследователей.

Ещё в XIX веке наметилась тенденция разграничения языка и речи в российском языкознании. Младограмматисты и вслед за ними многие другие языковеды того времени (И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов и др.) полностью отрицали существование общего языка, признавая бытие исключительно индивидуального языка: «на свете столько же отдельных языков, сколько индивидов»¹. В некоторых высказываниях лингвистов другого направления разграничение языка и речи представлены достаточно схематически. Например, Ф. И. Буслаевым язык определяется как «общественное явление, представляющее собой строго по законам организованное целое». Под «целым» автор подразумевает системность, которая обнаруживается только в речи, репрезентирующей то, что сказано, как «ряд соединённых предложений»². Отсюда можно сделать заключение, что язык и речь не разграничиваются.

Но у некоторых известных лингвистов того времени соотношение языка и речи выражено с диалектической точки зрения. Так, А. А. Потебня под «речью» понимает реализованный фрагмент языка либо контекста, при помощи которого достигается понимание мысли говорящего. Слово не есть «внешняя прибавка к готовой уже в человеческой душе идее необходимости. Оно есть вытекающее из глубины человеческой природы средство создавать эту идею, потому что только посредством него происходит и разложение мысли. Как в слове впервые человек создаёт свою мысль, так в нём же прежде всего он видит ту законность,

которую потом переносит на мир. Мысль, вскормленная словом, ... находит искомое знание, на слово же начинает смотреть как на посторонний и произвольный знак³. По мнению учёного, слово существует только тогда, когда произносится, а речь показывает то, как реализуется язык. В различных языковых образованиях реальность «общего» и «личного» языка не вызывает сомнения⁴. Эти высказывания представляются актуальными, поскольку противостоят различного плана «языковым самодостаточностям».

В своё время В. Гумбольдт определил язык как нечто постоянное в деятельности духа, возвышающее артикулированный звук до выражения мысли, взятой во всей совокупности своих связей и систематичности. Он пишет: «...в языке следует видеть не какой-то материал, который можно обозреть в его совокупности или передать часть за частью, а вечно порождающий себя механизм, в котором законы порождения определены, но объём и в известной мере также способ порождения остаются совершенно произвольными⁵. Это высказывание доказывает то, что язык рассматривается в качестве самодостаточной сущности, «порождающим себя механизмом». А речевая деятельность является «соединением индивидуальных восприятий» человека. Именно в речи индивидуального человека язык достигает своей окончательной определённости⁶.

В трактовке В. фон Гумбольдта, в языке не происходит прямого отражения мира, а осуществляется его интерпретация человеком. Миропостижение предстаёт при таком понимании как мировидение. Действительно, как пишет Гумбольдт: «...разные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его <...> Путём многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о ми-

ре и то, что нами познаётся в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования»⁷. Изучение языков, по Гумбольдту, есть вместе с тем также «всемирная история мыслей и чувств человечества»⁸, поскольку языки есть органы оригинального мышления наций. Ведь язык есть орган, образующий мысль, и мышление не просто зависит от языка вообще, но до известной степени обуславливается каждым конкретным языком.

Слово, по Гумбольдту, — это отпечаток не предмета самого по себе, а его чувственного образа, созданного этим предметом в нашей душе в результате языкотворческого процесса⁹. Оно эквивалентно не самому предмету, даже чувственно воспринимаемому, а его понимание в акте языкового созидания. Всякий язык, обозначая, в действительности созидает: он формирует для говорящего на нем картину мира.

По мнению великого ученого, и слушающий, и говорящий должны воссоздать процесс восприятия речи при помощи своей «внутренней силы». Всё, что воспринимается, сводится к стимулу, вызывающему тождественное явление. Поэтому, он считает, что всякое понимание всегда есть вместе с тем и непонимание, а всякое согласие в мыслях и чувствах — расхождение¹⁰. Таким образом, В. Гумбольдт выдвинул тезис о том, что во время речевого общения не происходит передачи содержания высказывания как такового.

По словам У. Л. Чейфа, язык — это система, которая весьма сложным образом осуществляет посредничество между миром значения и миром звука. С одной стороны, он считает, что у нас есть нечто, что мы хотим сказать, с другой стороны, мы производим шумы, которые при обычных условиях передают это нечто слушателю или слушателям. Далее он описывает в самых общих чер-

тах язык, включающий в себя следующий процесс: «некая конфигурация понятий возникает внутри нервной системы некоего индивида, который в силу какой-то причины... вынужден трансформировать эти понятия в звук. Звук идёт к другому лицу или лицам, находящимся в пределах слышимости, и, как правило, вновь превращается внутри их нервной системы в некое факсимиле первоначальных понятий. По ряду причин это факсимиле обычно несовершенно: тут и неизбежные индивидуальные различия в понятийном репертуаре, и отсутствие полного соответствия между языковыми системами отдельных индивидов. Но при этом язык позволяет передать понятия удивительно тонкими и эффективными способами. Путь, ведущий от значения к звуку, бывает не прямым, а часто удивительно запутанным»¹¹. Таким образом, язык позволяет говорящему превращать конфигурации мыслей в конфигурации звуков, а слушателю — превращать в своём сознании эти звуки обратно в «приемлемое факсимиле мыслей, с которых начал говорящий. Этот принципиальный взгляд на язык разделяли и разделяют крупнейшие лингвисты нового времени. Фердинанд де Соссюр, например, утверждал, что «языковой знак связывает... понятие и акустический образ»¹². Эдуард Сэпир писал, что «сущность языка состоит в приписывании условных, произвольно артикулируемых звуков или их эквивалентов различным элементам опыта»¹³. Леонид Блумфилд также заметил, что «в человеческой речи разные звуки имеют разное значение. Изучать это соответствие определённых звуков определённым значениям и значит изучать язык»¹⁴. Ту же мысль находим и в работах Хомского: «порождающая грамматика... — это система правил, которые соотносят сигналы с семантическими интерпретациями этих сигналов»¹⁵.

Сильное влияние на представление лингвистов о языке и речевой деятельности оказала концепция Ф. де Соссюра. В соответствии с этой концепцией язык представляет собой готовый продукт, а речь — нечто случайное, «индивидуальный акт разума и воли». В противоположность этому утверждению учёный не может полностью отделить друг от друга язык и речь. Поэтому он заявляет, что «речь необходима для того, чтобы сложился язык», предполагая единство языка и речи. Но в то же самое время, говоря о взаимозависимости языка и речи, Ф. де Соссюр пишет о том, что язык и речь являются двумя разными вещами, и их объединять нельзя. При этом в понятие речи включается и внутреннее содержание (внутренняя речь), т. е. мышление с помощью языковых средств¹⁶. Таким образом, великий лингвист противопоставил язык как явление социальное, речи, как явлению индивидуальному.

На этом основании А. Гардинер употребляет слово «язык» ко всему, что традиционно в словах и словосочетаниях, а слово «речь», напротив, ко всему в них нетрадиционному, т. е. к тому, что определяется конкретными условиями и замыслом говорящего. Отсюда: принадлежностью языка являются словарные единицы, морфологические и синтаксические нормативы, помощью которых человек пользуется в речи, в то время как часть текста без элементов языка приходится на речь. Автор считает, что язык — это то, что «ограничено» в словах, а речь — то, что определено конкретными условиями речевого акта, коммуникациями и намерением говорящего. Здесь также отражён незеркальный характер взаимоотношения дихотомии «язык—речь»¹⁷.

На концепцию Ф. де Соссюра некоторые российские лингвисты отреагировали неоднозначно. Так, в частности Л. В. Щерба указывает на противоречие,

возникающее при исследовании языковой системы. Он считает, что, с одной стороны, языковая система является индивидуальным проявлением, а с другой — под языком подразумевается нечто, имеющее социальную ценность. Его взгляд на языковую систему предполагает единство речевой деятельности, языковой системы и языкового материала, что существенно отличается от триады, предложенной Ф. де Соссюром. Л. В. Щерба признаёт объективность существования языковой системы в языковом материале как совокупность всего говоримого и понимаемого в какой-то конкретной ситуации в тот или иной момент жизни людей. По мнению ученого, речевая деятельность также является языковым материалом и несёт в себе изменение языковой системы, в то время как языковая система представляет собой то, что заложено в данном языковом материале и проявляется в индивидуальных речевых системах¹⁸. Здесь, очевидно, имеется в виду то, что система языковых представлений имеет социальную ценность как нечто единое и необходимое для всех членов языкового общества.

Актуальным в данных взглядах на языковую систему является указание на взаимодействие общего и индивидуального. Но Л. В. Щерба подробно не рассматривает вопросы влияния языкового материала на языковую систему и соотношения в ней социального и индивидуального.

Аналогичным образом высказывается В. А. Звегинцев, трактующий речь как средство общения, в то время как язык по своему назначению не выполняет функцию общения. С точки зрения автора, «его основное назначение относится к иной области — дискретизации смыслового содержания, которая и создаёт предпосылки для деятельности общения во всех её звеньях», и только речь может

быть знаковым образованием, в то время как язык, реально существующий в речи, является абстракцией, репрезентирует систему чистых отношений, основанную на дискретности, и изолированно не представляет наглядно выраженного характера. Таким образом, автор характеризует язык как систему чистых отношений и как систему чистых «знаний»¹⁹.

В учебном пособии Ф. М. Березина и Б. Н. Головина изложены принципы интерпретации дихотомии «язык—речь». Здесь язык представлен как «совокупность и система знаковых единиц общения в отвлечении от языкового материала, в их коммуникативной готовности», а речь — как последовательность знаковых единиц общения в конкретном языковом материале в акте коммуникации²⁰.

Ю. С. Маслов понимает язык как абстрактную сущность, выделяя одну из актуальных составляющих особенностей языка — систему правил функционирования его в речи, т. е. систему элементов, представляющих собой единицы «разных ярусов плюс систему правил функционирования этих единиц». По мнению автора, язык и речь различаются так же, как слово в словаре и многочисленные случаи употребления этого слова в разных текстах; речь является формой существования языка, в то время как язык функционирует и непосредственно находится в речи²¹.

Взаимоотношение между языком и речью, как справедливо считает Г. В. Колшанский, является взаимоотношением между общим и единичным. Язык исходит из единичного речевого акта, язык и речь ограничены общим и единичными элементами в любом речевом акте. Автор считает, что в каждом речевом акте и язык, и речь находят своё выражение одновременно, и признает язык как общее, речь — как отдельное²².

На сходных принципах основано понимание языка и речи в работах С. Д. Кац-

нельсона, установившего наличие того факта, что язык связан с закреплёнными узусом комбинациями знаков, а речь во время импровизации организует окказиональные сочетания²³.

Важное в концепции И. А. Смирницкого заключается в том, что язык и речь являются психическими явлениями. Автор считает, что язык полностью представлен в речи, и реальная звуковая материя речи принадлежит языку. Кроме того, он указывает на неправомерность отождествления знания языка с собственно языком, объективно существующим в речи²⁴.

С нашей точки зрения, язык и речь не являются тождественными сущностями, но, несомненно, они взаимосвязаны. Вслед за И. К. Архиповым под системой языка мы подразумеваем «норму использования системы социально закреплённых знаков»²⁵. Речью является конкретное говорение, протекающее во времени и заключённое в звуковую или письменную форму. Язык и речь составляют «единый феномен человеческого языка и каждого конкретного языка, взятого в определённом его состоянии». Речь — это реализация языка, который обнаруживает себя в речи и только через неё выполняет своё коммуникативное назначение. «Если язык — это орудие общения, то речь есть производимый этим орудием вид общения»²⁶. Таким образом, язык как система проявляется в индивидуальных речевых системах в зависимости от тезауруса языковой личности.

Ещё в середине XX века Г. Гийом говорил о необходимости противопоставления системы языка формам её реализации в речи. В фокусе его внимания по этой проблеме находилось восстановление системы перед тем, как рассмотреть какое-нибудь конкретное значение какой-либо формы. Он считал, что эта форма берёт своё значение в данной системе, где значение уже существует в мысли и

предшествует любому конкретному значению, которое выявляется в речи²⁷.

Генеративная грамматика, которая продемонстрировала прототипы будущих предложений, провозгласила незеркальный характер соотношения глубинных и поверхностных структур. Так, Дж. Лайонз признаёт тождественными структуру, которая лежит в предложении, и язык, а к речи относит высказывания²⁸. Научное утверждение о том, что глубинная структура предложения, характерная для языка, воплощается в поверхностных структурах речи, используется лингвистами в качестве довода, подтверждающего несовпадения языка и речи²⁹.

Существует ещё одна проблема взаимоотношения внутри дихотомии «язык и речь», заключающаяся в передаче и восприятии содержания на уровне языка и речи. С точки зрения семиотики, язык считается кодом, сравниваемым с другими кодами в зависимости от того, какой канал связи задействован для передачи сигналов. Считается, что в процессе коммуникативной деятельности сигнал передаётся от отправителя к получателю по каналу коммуникации. Этот сигнал имеет определённую форму и передаёт определённое значение. Связь между формой сигнала и его смыслом устанавливается с помощью кода. Таким образом, сообщение кодируется отправителем и декодируется тем (или теми), кто получает³⁰.

С учётом этого мнения мы придерживаемся утверждения В. Гумбольдта, что в процессе коммуникативной деятельности и слушающий, и говорящий должны воссоздать смысл высказывания при помощи «своей внутренней силы». Всё, что воспринимается слушающим, «сводится к стимулу, вызывающему тождественные явления»³¹.

В некоторых цитатах лингвистов недалёкого прошлого можно обнаружить

следующее высказывание: «Я могу приписать какому-либо объекту какой-либо предикат, если только любой другой индивид, который мог бы вступить со мною в диалог, тоже приписал бы тот же самый предикат тому же объекту»³². К сожалению, это — только упоминание без целенаправленных исследований и выводов.

С точки зрения когнитивного подхода, функция языка заключается в том, чтобы дать возможность человеку определиться в своей когнитивной области независимо от когнитивной области того, от кого исходит информация. Таким образом, никакой передачи информации или мысли в процессе коммуникативной деятельности не осуществляется, поскольку тот, кому передаётся информация (слушатель), сам создаёт её. Говорящий (тот, кто передаёт информацию) думает, что его слушатель в точности так же понимает то, что он говорит, т. е. когнитивная область слушающего полностью совпадает с его собственной когнитивной областью³³.

Того же мнения придерживается М. В. Никитин, полагающий, что цель всякой речи состоит в передаче значений, сделать это можно лишь прибегнув к знакам. Универсальной первичной знаковой системой является естественный язык. Генетически язык выступает в качестве необходимого условия, обеспечивающего абстрактный обобщающий уровень сознания. Однако отношение между десигнаторами (означающими) и десигнатами (означаемым, значением) далеко от одно-однозначного. Между ними существуют сложные перекрёщающиеся отношения. «Знак обеспечивает понятийно-умозаключающий, человеческий уровень сознания; без языка невозможны высшие структуры связей в мозгу, соответствующие этому уровню сознания. Но, сложившись, эти структуры обладают достаточной самостоятель-

ностью по отношению к механизму, который обеспечил их формирование и в котором они выявляются³⁴.

Кроме того, автор уверен, что значение возникает между двумя фактами, при которых один факт (вещь, предмет, событие или явление) актуализирует в сознании мысль о другом и информационно настраивает сознание на этот второй. «Собственно значением является мысль об этом втором факте как информационной функция первого факта. Актуализация мысли-значения происходит в силу естественной или знаковой связи между двумя фактами». Следовательно, «значение — это факт сознания. Оно замкнуто в сознании и, так сказать, никогда не покидает головы. При сообщении значений, строго говоря, не происходит их передачи: знаки нельзя считать носителями значений в том смысле, что значения не заключены в них, не составляют часть материального тела знака. Более точно то представление, что знаки не несут и не передают значения (это метафоры) от одного человека к другому, а индуцируют тождественные или сходные значения, возбуждают аналогичные информационные процессы в двух сознаниях³⁵.

Такую же точку зрения имеет И. К. Архипов, считающий, что значение как единство образов формы и содержания формируется в сознании говорящего, а потом — слушающего как единство образов формы слова и содержания. Это единство создаёт говорящий в соответствии с замыслом высказывания. Так как содержание соответствует идеалу и не выходит за пределы сознания, то задуманное значение не выходит в объективный мир в виде готового знания, «прикреплённого» к материальной форме. Форма воспринимается слушающим и в его сознании связывается, как и у отправителя сообщения, с инвариантом его содержания. Затем на этой основе

слушающий выводит актуальное значение лексико-семантического варианта в соответствии с речевым контекстом, построенным отправителем сообщения. Отсюда можно сделать следующий вывод: у говорящего в буквальном смысле нет никаких физических возможностей передать связываемое с ним содержание с помощью языковых средств, т. е. тот смысл, который он в своём сознании связывает с данной формой. Актуальным для данного подхода является положение о том, что значения слов не «возникают», а создаются человеком³⁶.

Итак, в лингвистике имеют место различные мнения по поводу того, что в действительности «входит в язык» и «как это работает в речи». С одной стороны, бытует мнение, что язык — это «самодостаточная», «самоорганизующаяся» система, рассматриваемая как зеркальное отражение в речи. С другой стороны, внимание акцентируется на асимметрии содержания концептов в системе языка и на уровне речи. Сторонники этого подхода пытаются определить, какие реальные структуры знаний, употребляемые в речи, противостоят соответствующим структурам на уровне языка. Поэтому язык и речь взаимосвязаны, но не тождественны; каждое из них занимает свою нишу в человеческом сознании. С нашей точки зрения, языковая система представляет собой вербализованные концепты, которые выводятся из процессов говорения и понимания. Соглашаясь с мнением И. К. Архипова в том, что языковая система имеет общепринятую объективную часть, общую для большинства носителей языка, и механизмы деривации, мы считаем, что язык обнаруживает себя в индивидуальной речи. Язык только представляет мир, но не объективно, ему не дано адекватно это сделать. Язык функционирует в речи, поскольку в языковом общении говорящий пользуется

постоянными образцами, клише, стандартами, которые способствуют образованию для него языковой среды.

Поскольку единицы уровня системы языка определяются ограниченным числом свойств по сравнению с актуализированной единицей на уровне речи, то этим язык отличается от речи. Но в то

же время язык является открытой системой, бесконечно пополняющейся и обновляющейся, и каждый участник коммуникации действует только в рамках своей когнитивной области, так как значения слов не возникают неизвестно откуда, а создаются, формируются человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
- ² Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- ³ Потебня А. А. Мысль и язык. М., 1999.
- ⁴ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1959.
- ⁵ Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М., 2001.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- ⁸ Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры. М., 1985.
- ⁹ Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. Иваново, 1999.
- ¹⁰ Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: 2001.
- ¹¹ Чейф У. Л. Значение и структура языка / Пер. с англ. / Послесл. С. Д. Кацнельсона. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2003. С. 29–30 (Лингвистическое наследие XX века.)
- ¹² Saussure F. de. Course in General Linguistics, translated by Wade baskin. New York: Philisophical Library, 1959. С. 66–67.
- ¹³ Sapir T. Language: An Introduction to the Study of Speech. New York: Harcourt, Brace, 1921. С. 11–12.
- ¹⁴ Bloomfield L. Language. New York: Holt, 1933. С. 27–28.
- ¹⁵ Chomsky N. Topics in the Theory of Generative Grammar. Current trends in Linguistics, ed. by Thomas A. Sebeok, 3:1-60, The Huga: Mouton, 1966. С. 4–5.
- ¹⁶ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А. М. Сухотина; науч. ред. пер., предисл. и прим. Н. А. Слюсаревой; послесл. Р. Энглера (пер. с фр. Б. П. Нарумова). М., 1998. С. 57–58.
- ¹⁷ Гардинер А. Различие между «речью» и «языком» // Звегинцев В. А. История языкознания XX–XIX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965. С. 87–125.
- ¹⁸ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- ¹⁹ Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 2001. С. 217–218.
- ²⁰ Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание: Учеб. пособие для пед. ин-тов. М., 1979. С. 20–21.
- ²¹ Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учебник для филол. специальностей вузов. 3-е изд., испр. М., 1997. С. 12–13.
- ²² Колианский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. С. 24–30.
- ²³ Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986. С. 264–265.
- ²⁴ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
- ²⁵ Архипов И. К. Человеческий фактор в языке: Учебно-методическое пособие (Материалы к спецкурсу). СПб., 2001. С. 38–39.
- ²⁶ ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 414–415.
- ²⁷ Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Перевод с фр.; общ. ред. послесл. и коммент. Л. М. Скрелиной. М., 1992.
- ²⁸ Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. С. 68.

²⁹ Общее языкознание: Учеб. пособие для студ. филол. фак. / Под ред. А. И. Супруна. М., 1983.

³⁰ Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс. М., 2004. С. 24–26.

³¹ Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М., 2001. С. 77–78.

³² Habermas J. Wahrheitstheorien // Wirklichkeit und Reflexion Ed.: H. Fahrenbach. Neske: Pfullingen, 1973. P. 73–78.

³³ Матурана У. Р. Биология познания // Упрг и интеллект. М., 1995. С. 235–381.

³⁴ Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. С. 203–204.

³⁵ Там же. С. 57–58.

³⁶ Архипов И. К. Коммуникативный цейтнот и прототипическая семантика // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Научный журнал. СПб., 2004. № 4 (7). С. 78–79.